

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ИМЕНА И ТЕНДЕНЦИИ

УДК 821.161.1-1. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-45
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ЛИРИКЕ С. ПЕТРОВА И В. БЛАЖЕННОГО

Бокарев А. С.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

А н н о т а ц и я . С опорой на принципы исторической поэтики в статье рассматривается функционирование психологического параллелизма, служащего отождествлению природных процессов с человеческой жизнью, в лирике советских неподцензурных поэтов Сергея Петрова (1911–1988) и Вениамина Блаженного (1921–1999). Доказывается, что в творчестве обоих авторов его семантический ореол максимально устойчив и определяется основанной на всеобщности страдания поэтической моделью мира. Ее специфика, а именно репрезентированный с помощью параллелизма и близких ему типов образности (символа-приложения и творительного метаморфозы) комплекс мотивов, выступает предметом исследования. Так, в стихах С. Петрова отчужденность героя от положительных начал жизни, обретение причастности ей в болевом опыте, иссякание личного бытия и всеобщего «вещества существования» глубоко укоренены в параллелизме. Осознание идеи бессмертия как утопической обостряет ощущение «утечки жизни», причем сказанное о состоянии мира с его изношенностью и ветхостью закономерно распространяется и на субъекта. Стихи же В. Блаженного буквально «прошиты» сценами мучений и гибели животных, видениями загробного мира, обвинениями Богу-отцу и состраданием Богу-сыну, а с помощью параллелистической образности утверждается объединяющее человека и природу желание жизни. При этом жить в поэтическом мире Блаженного значит непременно причинять боль «другому» (даже Бог в ипостаси Отца нередко оказывается «палачом») – отсюда подвижность субъектных границ, мотивированная не только страданием и мучительством, но и состраданием. Восприятие реальности как синкретической предопределяет и судьбу поэтического слова, которое, становясь продолжением субъекта, у обоих авторов овеществляется: старея и приходя в негодность, оно утрачивает способность служить пищу экзистенциальной опорой. Таким образом, в лирике С. Петрова и В. Блаженного, чьи художественные системы обнаруживают типологическое родство, параллелистической образностью утверждается вовсе не гармоническая «вписанность» человека в природу, а свойственное неклассической эпохе представление об уязвимости и рискованности его положения в мироздании.

К л ю ч е в ы е с л о в а : С. Петров; В. Блаженный; историческая поэтика; модель мира; синкретизм; образная структура; психологический параллелизм; мотив

Для цитирования: Бокарев, А. С. Психологический параллелизм в лирике С. Петрова и В. Блаженного / А. С. Бокарев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 69–79.

PSYCHOLOGICAL PARALLELISM IN THE LYRICS OF S. PETROV AND V. BLAZHENNY

Aleksey S. Bokarev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Abstract. From the standpoint of historical poetics, the article explores the functioning of psychological parallelism in the lyric poetry of the contemporary poets Sergey Petrov (1911–1988) and Veniamin Blazhenny (1921–1999), which serves to equate natural processes with human life. The paper argues that the semantic halo in the works of both poets is extremely stable and is determined by the poetic model of the world based on the universality of suffering. Its specificity, namely, the complex of motifs represented with the help of parallelism and similar types of figurativeness (symbol-aposition and instrumental case with the meaning of metamorphosis), is the object of research. Thus, in the poems by Petrov, estrangement from the positive principles of life, gaining involvement in life through pain experience, and the depletion of personal being and the universal “substance of existence” are deeply rooted in parallelism. The perception of the idea of immortality as a utopian one aggravates the feeling of “leakage of life”, and what has been said about the world, with its exhaustion and decrepitude, also applies to the lyrical subject. The poems by Blazhenny are practically “permeated” with the scenes of torment and deaths of animals, afterlife visions, accusations against God the Father and compassion for God the Son, and, via the parallelism based imagery, the poet asserts the desire to live, which unites human beings with the nature. At the same time, living in the poetic world of Blazhenny means to necessarily cause pain to “another person” (even God in the hypostasis of the Father often turns out to be an “executioner”), hence the mobility of subject boundaries, which is caused not only by suffering and torment, but also by compassion. The perception of reality as syncretic predetermines the fate of the poetic word, which, becoming a continuation of the subject, is consistently reified by both authors: aging and becoming unusable, the word loses its ability to be the writer’s existential support. Therefore, in the lyric poetry by Petrov and Blazhenny, whose artistic systems can be considered typologically related, psychological parallelism ascertains the idea of vulnerability and riskiness of human position in the universe, which is characteristic of the non-classical era, rather than the harmonious “embeddedness” of human beings in nature.

Keywords: S. Petrov; V. Blazhenny; historical poetics; world model; syncretism; figurative structure; psychological parallelism; motif

For citation: Bokarev, A. S. (2023). Psychological Parallelism in the Lyrics of S. Petrov and V. Blazhenny. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 69–79.

Психологический параллелизм в освещении исторической поэтики

Общеизвестно, что одним из самых архаических типов образности, хронологически предшествующих тропу¹, является психологический параллелизм, основанный не на сравнении «человеческой жизни с природой» (так могла бы строиться метафора), а на их «сопоставлении по признаку действия,

движения: дерево хилится, девушка кланяется» [Веселовский 2006: 417].

По мнению А. Н. Веселовского, историческая семантика параллелизма зиждется на «идее уравнивания, если не тождества», особенно очевидной, когда аналогия между субъектом и объектом рельефна или таких аналогий несколько. «Изживание» тождества по мере развития поэтики, означающее «подвиг со-

¹ Подробному рассмотрению архаической и тропической образности в их соотнесенности посвящена работа С. Н. Бройтмана [Бройтман 2004: 36–38].

знания, выходящего из смутности сплывающих впечатлений к утверждению единичного», находит отражение в градации структурных форм параллелизма. Так, двучленная конструкция, компоненты которой «вторят друг другу при различии объективного содержания», сменяется многочленной, где «накопление параллелей» предполагает аналитический выбор, чреватый «уменьшением образности». Обратный процесс, ее развитие, сопутствует одночленному параллелизму, человеческий план которого «умалчивается», тогда как природный выступает его показателем (из таких речений возникают символы народной поэзии). Наконец, в отрицательном параллелизме «природный» компонент вводится с частицей «не» или знаком вопроса – и тем самым «устраняется», знаменуя «выделение особи» [Веселовский 2006: 421–484]. Впрочем, сколько бы ни различались конкретные типы параллелизма, несомненно его синкретическая природа – идеи тождества и различия здесь «еще не стали самоценными и не отделились друг от друга: дерево не тождественно девушке, но и не отлочно от нее» [Бройтман 2004: 38].

Как универсальное явление, служащее принципом стихотворной речи, параллелизм интерпретируется Ю. М. Лотманом: по мысли ученого, им обеспечивается эквивалентность лексических единиц, предполагающая наличие у них как «общего семантического ядра», так и «контрастной пары дифференцирующих... признаков» [Лотман 1998: 166]. С позиций исторической поэтики, однако, целесообразно подчеркнуть, что первичным в параллели оказывается именно «общее», а выраженность каждого компонента свидетельствует, что идея тождества уже не является очевидной. Иными словами, в параллелизме «воплотилась эволюция эстетического сознания от чистого синкретизма», где слово имеет лишь «прямой и не фигуральный смысл, – к художественному иносказанию» [Поэтика: словарь... 2008: 158], принявшему вид тропа и сигнализирующему об окончательном отделении человека от природы. Сходством исторической семантики обусловлена возможность рассмотрения наряду с параллелизмом (магистральным образным языком эпохи синкретизма) и таких еще не-

достаточно отрефлексированных наукой типов образности, как символ-приложение («конь-сокол») и обстоятельство в творительном падеже («зезгицею кычет»): если первый «сливается с обозначаемым в одно целое», то второе «напоминает превращения». Согласно А. А. Потебне, они возникают даже несколько раньше параллелизма, который уже своей двучленностью указывает на «затемнение смысла символов», прежде не нуждавшихся в объяснении (имеется в виду «природный» план параллели, как бы «комментируемый» «человеческим») [Потебня 1914: 3; цитаты из А. А. Потебни приводятся в современной орфографии. – А. Б.].

Приняв за точку отсчета тезис об «оживлении» в поэтике модальности синкретических, стоящих у истоков искусства художественных форм [Бройтман 2004: 257–258, 274–280], можно с уверенностью утверждать, что в лирике второй половины XX в. ресурсы архаической образности (и прежде всего параллелизма) осваивают самые разные авторы – от А. Тарковского и С. Липкина до Н. Шатрова и А. Величанского. Мы же в настоящей статье остановимся на творчестве С. Петрова и В. Блаженного – советских неподцензурных поэтов, в стихах которых ее семантический ореол максимально устойчив и определяется специфической моделью мира, утверждающей всеобщность страдания в качестве универсальной основы бытия. Ключевая особенность этой модели – «бездистантный» контакт поэта с действительностью, в которой он «наделен статусом “жертвы”»; ощущение незащитности приводит к тому, что реальность в его глазах утрачивает «признаки структурности и ценностной “выстроенности”», а едва ли не единственным содержанием высказывания становится «личный болевой опыт». По мнению А. А. Житенева, «писатель не просто переживает ситуацию “заброшенности”, он вынужден воспринимать текст как единственное, что он может поставить между собой и миром-катастрофой» [Житенев 2012: 44–45]. Семантическая связь обрисованного мотивного комплекса с архаическими образными языками (психологическим параллелизмом и «сопутствующими» ему символом-приложением и творительным метаморфозы), выявление которой позволит констатировать типо-

логическую близость авторских поэтических систем, как раз и будет предметом нашего рассмотрения.

«Жизнь с краешку, чуть-чуть, бочком...»: психологический параллелизм в поэтике С. Петрова

Лирика Сергея Петрова, получившего широкое признание в качестве переводчика, но как поэта открытого лишь недавно, до сих пор практически не исследована. Степень ее изученности характеризуют, с одной стороны, не схватывающие сути общие суждения (поэтика, созданная автором, «поражает свободой слова, гибкостью, ироничностью, музыкальностью, философичностью...» [Гай]), с другой – точные, но нуждающиеся в переводе на понятийный язык наблюдения критиков (в лирике С. Петрова «разворачивается формула подмены бытия кошмаром и срамом, которые единственные звучат и слышны, которые изгоняют жизнь <...> из всего сущего здесь, так как существование здесь невозможно» [Кононов 1997: 239; курсив автора. – А. Б.]). И если последняя цитата фиксирует «страдательное» положение человека в авторской миромодели, то среди «обслуживающих» ее средств и приемов (паронимия, неоднородность лексического состава, пристрастие к устойчивым, повторяющимся из стихотворения в стихотворение словам-сигналам и т. д. [Кононов 1997: 237; Шубинский 1997: 100; Егоров 2018: 3; Еремеева 2019: 53]) параллелизм и близкие ему типы образности ни разу не назывались. Вместе с тем такие константные для поэта мотивы, как отчужденность от положительных начал жизни, обретение причастности миру в страдании, иссякание личного бытия и всеобщего «вещества существования» без них, как правило, не обходятся. Можно согласиться с Е. Витковским в том, что лирика Петрова «голографична», и «в любой ее... части отражается вся она как единое целое» [Витковский], – однако не стоит недооценивать и

эволюцию поэта, заметную при сопоставлении тематически близких, но написанных в разные годы текстов.

Так, в стихотворении «Надгробие» (1940) утверждается вовлеченность человека в неостановимый круговорот вещей, а его связь с материальным миром удостоверяется не только параллелизмом (росту злаков эквивалентно возвращение героя к жизни), но и творительным метаморфозы (эпитет «желтеющий» соотнесен с рожью, а его контекст позволяет трактовать «воскресение» как желанное «совоплощение» с природой: «И ты придешь, опять хорош, / смотреть, как в дрожь бросает рожь, // когда желтеющим лицом / тебе навстречу, агроном, // сквозь даль лесную я блесну...» [Петров 2018: 6]³). Посмертный переход в иное качество, созвучный представлениям Н. Заболоцкого (ср.: «А то, что было мною, то, быть может, / Опять растет и мир растений множит» [Заболоцкий 2014: 505]), у Петрова выступает условием непрерывности бытия: между «растворением» субъекта в «черноземной тьме» и возрождением природы устанавливается причинно-следственная связь, выраженная подчинительным союзом («...чтоб вяз свой воз зеленый вез...» [5]) и исключаящая трагическое восприятие происходящего. Стихотворение же «Стоит сентябрь больницей кроткой...» (1965) окрашено в совершенно иные эмоциональные тона: отождествлением в первой строке осени и больницы подготовлена параллель, «уравнивающая» суточный цикл с рутинными занятиями больного – и подобно тому, как смеркается день, сходит на нет жизнь героя («Идет по каплям вечер мелкий, / лекарство пью без дрожи я» [110]). Однако если в ранней лирике такой финал не исключал возможности альтернативного существования, то теперь «душа и кожа» подвластны смерти, на что указывает хотя бы корневой повтор в словах «вратъ» и «врач», подчеркивающий этимологическую

³ Сергей Владимирович Петров (1911–1988) – русский неподцензурный поэт, переводчик с английского, немецкого, французского, датского, норвежского, шведского и других языков, многими из которых владел в совершенстве. При жизни автора его оригинальная (не переводная) лирика, за редким исключением, не публиковалась; первая книга, «Избранные стихотворения» (1997), вышла посмертно.

³ Далее в настоящем разделе статьи при ссылке на это издание указывается только номер страницы.

связь «далековатых» понятий [Фасмер 1987: 361]: «Так будь же нежною знахаркой, / бери меня, врачуй и ври, / а если нет – наплюй, нахаркай / и кровь ногою разотри» [110].

Осознание бессмертия в любых его проявлениях как утопического обостряет ощущение тотальной «утечки жизни», заставляя героя фиксировать в природе ее симптомы. Если помещенные на стыке строф предложения «И запоет петух. // Заноет зуб» [7] образуют не только параллелизм, но и паронимическую «двойчатку», крик птицы (сродни звуку лопнувшей струны у А. П. Чехова) уже не метафорически, а буквально отзывается болью, возвещая приближение еще более страшных событий. Акустический фон лирики Петрова вообще довольно часто представлен объектами с «предельной» семантикой: текущей водой, напоминающей о плеске Леты («Как речка мелкая, беззлобно истекла / природа, время превращая в заводь» [182]), или рвущимися нитками, вызывающими ассоциацию с Парками («Воздух об окошко бьется: / нате ж вам! / То ли шьется, то ли рвется / жизнь по швам» [164]). Особенность же петровской поэтики можно усмотреть в том, что параллель у него, как в последнем приведенном фрагменте, «поддерживается» фонетической и ритмической иконичностью: и стихотворный размер Х4/2 АБАБ, и глубокая (максимально звучная) рифма в усеченных строках делают расплывающуюся на глазах «ткань бытия» едва ли не физиологически ощутимой. Закономерно, что и наиболее частотным временем года в лирике поэта оказывается осень, а связь с природой мыслится настолько крепкой, что появление одночленных конструкций выглядит само собой разумеющимся. По утверждению А. Н. Веселовского, «существенный интерес» в них «отдан действию из человеческой жизни, которое иллюстрируется сближением с каким-нибудь природным актом», поэтому «последний член параллели... стоит за целое» [Веселовский 2006: 473]. Если так, то сказанное о состоянии мира с его изношенностью и ветхостью можно распространить и на лири-

ческого субъекта: «А глушь как прежде хороша, / речонкой о берег шурша! / На ней играет отсвет шалый, / и мост костлявый, обветшалый / грызет замшелая парша» [107].

Впрочем, сопричастность миру даже в старости и смерти обретается протагонистом нелегко и далеко не сразу: в целом ряде произведений, особенно ранних, констатируется трагическая отъединенность от реальности, преодолеваемая лишь в болевом контакте с ней. Декларативный отказ «быть» под «аккомпанемент» петушиного пения [7] оборачивается, однако, не возвращением Творцу «билета», но осознанием себя как аутсайдера, выброшенного на обочину существования. «Жизнь с краешку, чуть-чуть, бочком» [30], «мне стало тяжело на жизни быть женатым» [140], «жить – как лежать. Привычная жуть» [149] – вот лишь наиболее емкие формулы, закрепляющие положение героя в действительности⁴. Причиной тому – недостаток витальности, которой бывает столь щедро наделена природа и которая отнюдь не чужда тем, кто способен «совпасть» с ее естественными ритмами: «Катит жук навозный ком. / Я с трудом его знаком. / И следит на ветке птица / за упрямым чудачком, / маленьким грузовиком» [13]. Может показаться, что цепочка отождествлений, основанная на многочленном параллелизме и определении-существительном (символе-приложении), создает синкретическую картину, в которой фауна и флора, с одной стороны, и человек вкупе с тем, что создано его руками, – с другой, образуют единое, находящееся в непрерывном движении целое. Действительно, в дальнейшем «рабочий круг» только расширяется, «втягивая» все новых участников – паука, мельницу, занятых в поле и на лугу крестьян, речку, – чья активность направлена лишь на продолжение жизни, самодостаточное и самоценное [13–14]. Однако самоумаление субъекта, прежде не выделявшегося из мира, но теперь «отягощенного» атрибутами цивилизации, не только свидетельствует о разделившей их дистанции, но и проблема-

⁴ Н. Кононов интерпретирует данный мотив как «ужас социального изъятия»: «отдельность синонимична потере... персонажем собственного бытия, она означает приближенность к смерти, к гибели...» [Кононов 1997: 237]. Отчужденность Петрова-человека от современности отмечают мемуаристы, в частности А. Бердников: «Он жил так, как будто вокруг не было ни социума, ни журналов, ни сыщиков, ни "уголовного" кодекса – он по-своему все это уважал, но в стихи свои не пускал. Как? Да это его совсем не занимало» [Бердников].

тизирует финал, казалось бы, идиллического стихотворения: «И, одетый пиджаком / и подкован башмаком, / на усердии таком / я – ничто перед жуком» [14].

Дистанция эта ощутима тем сильнее, чем чаще предметом изображения оказываются «изгой» природы – образные «двойники» героя, призванные разделить его отщепенство и одиночество. Например, в «Mir zur Feier» (1941⁵) народным поверьем – «на Благовещение птица гнезда не вьет» – мотивируется параллелизм («подкрепленный» творительным метаморфозы), который сопрягает поэта, родившегося 7 апреля, с заведомо бездомной кукушкой («...одиноким кукую кукушем, / бобылем в избушке тоскую...» [16]). В «Грозе» же отношения эквивалентности устанавливаются между судьбой героя, уподобленной «глупой девке», холмами, иссеченными дождем, и рекой, принявшей на себя удар стихии, – причем фразу, резюмирующую сюжет («Нутро – как с мусором ведро, / а око – бац! – расколото»), можно отнести как к «природному», так и к «человеческому» плану параллели (в предыдущей строфе река была разрублена «топором» «до пояса») [156]. Последний пример демонстрирует, что единение с миром доступно протагонисту лишь в болевом опыте⁶ (старость и смерть выступают его закономерным итогом), поэтому жизненные «попутчики» героя едва ли не кричат от страданий – будь то «гуляка-ветер», дрожащий, словно побитая собака, или «бедняк-сапог», косящий каблуком и глотающий грязь [42–43]. Если структурой символа-приложения в закавыченных формулах подчеркивается нераздельность предмета и его признака, то неприкаянность и мучение осознаются как те качества, с которыми ассоциируется сама суть жизни. Даже молитвенное обращение к богу у Петрова не просто многоголосо и проникнуто болью, но само становится ей благода-

ря нанизыванию конструкций с творительным падежом: «Аз собран есмь у ног Твоих псалмом, / всей горечи и скорби красноречьем. / Кипучим городом валяюсь за холмом, / опутанный Твоим бурливым Седьмиречьем» [27–28].

Поскольку художественный мир поэта принципиально синкретичен, страдание, даже если речь идет о моральной неудовлетворенности, должно переживаться телесно, быть облеченным в плоть и кровь. Отсюда овеществление нематериального, укорененное в архаической образности, – например, ночных кошмаров героя, напоминающих «чудовищные» полотна Босха и привлекающих изобразительной мощью (как в стихотворении «Сон-ресторан»⁷). Сходный случай – опредмечивание слова, имеющего не «виртуальный», а бытийно-мифологический статус и являющегося продолжением субъекта, а значит, призванного разделить его судьбу. Когда соединенные в символ-приложение «мысли» и «гусли» получают в параллель устойчивый у Петрова природный образ («Ах вы птицы-гусли, / белы гусли-лебеди, / пташечки-кукушечки! / Что гнезда не лепите?» [143]), творческий акт предстает трудным, если не мучительным, а поэт – заведомо обреченным на неслышанность. Несмотря на то, что героя «заливает стихами» и он видит себя «Робинзоном», сидящим «на утесе» (форма творительного падежа в цитируемом контексте принципиальна), «вода» в конечном счете оказывается «не морской», а «речной» – «прирученной», «пресной» и даже «отварной» [63–64]. Подобно тому, как вместе с миром страдает, старится и умирает человек, приходит в негодность и принадлежащее ему слово, не способное служить пишущему экзистенциальной опорой. Если персональный опыт определяется выражением «костлявая катастрофа» [173], жизнь неизбежно превращается в выживание – и это практически универсальный в лирике Петрова закон.

⁵ В поэтическом корпусе Петрова данное заглавие имеет целый ряд стихотворений, поэтому указание года создания текста необходимо для его корректной атрибуции. По свидетельству Е. Витковского, «на протяжении чуть ли не полувека» в день своего рождения поэт «вставал ни свет ни заря и писал стихотворение всегда с одним и тем же заголовком “Mir zur Feier” – “Мне к празднику”. <...> Для него это был очень важный день. Он словно бы ставил ту единственную отметку, которую был вправе поставить: “Я прожил один год, у меня праздник. И я отчитываюсь за этот год и пишу к этому празднику стихотворение, всегда верлибром, напряженно, нервно, аллигированно, но непременно верлибром”» [Витковский].

⁶ Одна из характерных фиксаций этого единения – последняя строфа стихотворения «Именины»: «Рад, что отличен / тем, что и мне дано названье, / что людям я сродни, что именем включен / в огромный черный том существованья» [36].

⁷ Босху посвящено одноименное произведение, варьирующее мотивы его живописи; овеществление абстрактного как характерная особенность лирики Петрова уже отмечалось в литературе [Пробштейн 2014: 147].

«Есть участь быть живым – и обижать живых»: психологический параллелизм в поэтике В. Блаженного

Сходная, но, пожалуй, более радикальная модель мира реализуется и в творчестве Вениамина Блаженного⁸. В специальной литературе уже шла речь о том, что художественное мышление автора сосредоточено на узком круге ключевых тем, образующих устойчивые в пределах художественной системы мотивные «гнезда» [Верина 2017: 207]. Действительно, стихи поэта буквально «прошиты» сценами «мучений и гибели беззащитных и бессловесных существ», «картинами загробного мира», «неистовыми обвинениями Богу-отцу»⁹ и столь же «неистовым состраданием Богу-сыну» [Дашевский 2009]. Сущность такого видения жизни удачно сформулировал К. Анкудинов: «все Мирозданье – гигантская пыточная», где «кровавым мукам» подвержены не только дети и взрослые, но и кошки и собаки; не только поэт, уподобленный библейскому Иову, но и сам Создатель. Выступая «безумным фундаментом» вселенной [Анкудинов 2009: 391–392], страдание способно уничтожить любую иерархию, делая возможным «фамильярный» (в бахтинском смысле слова [Бахтин 2002: 138–139]) контакт между Богом, людьми и животными. В результате возникает релятивизированное, наивно-инфантильное, но в ядре своем безусловно синкретическое представление о реальности: герой В. Блаженного «не отделяет живых и мертвых друг от друга», для него едины «духовное и телесное, низменное и возвышенное, зверь и человек» [Лейдерман 2010: 86]. Естественно, что «текучесть» разнящихся, если не противоположных, категорий находит опору в архаической образности, а параллелизм не просто широко используется, но

становится композиционной основой многих стихотворений.

Прежде всего с его помощью утверждается объединяющее человека и природу желание жизни, общее как для «несносной мухи», так и для «беспощадного» людского «племени» [Блаженный 2009: 38]¹⁰. Даже физическая форма существования второстепенна по отношению к самому факту бытия: оказаться букашкой или мошкой не меньшая (а может быть, и большая) удача, нежели родиться «двуногим» [126, 135]. Показательно, что творительный метаморфозы в цитируемых стихах – «Боже, как хочется жить!.. Даже малым мышонком / Жил бы я век и слезами кропил свою норку, / И разрывал на груди от восторга свою рубашонку, / И острожно жевал прошлогоднюю корку» [38] – провоцирует взаимопроникновение «параллельных» планов: упомянутый «под сурдинку» элемент мышинного гардероба прочитывается как метафора, мотивированная, однако, осознанием единства природного и человеческого. Им же продиктовано и правило, регламентирующее отношения между персонажами: «быть живым» у Блаженного – значит непременно «обижать живых», даже если злого умысла поступок не предусматривает. Так, реакция птицы (на «подаренное» ей «зернышко») и матери (на пролитые по ней слезы) идентична: первая исчезает «в закате», «торопливо» клюнув протагониста, вторая умирает, не в силах «сберечь» своего тела [66–67]. Очевидно, что и та и другая действуют единственно возможным образом: если «крылатому диву» на земле не место, а мать, подобно платоновской героине, «не вытерпела жить долго»¹¹ [Платонов 2011: 359], им обеим суждено оказаться на небе, где пути их «сойдутся», – в то время как герою останется лишь оплакать потерю [67].

⁸ Вениамин Михайлович Блаженный (настоящая фамилия – Айзенштадт, 1921–1999) – русский неподцензурный поэт, высоко оцененный Б. Пастернаком, А. Тарковским, В. Шкловским и др., с которыми состоял в переписке. Первая публикация состоялась лишь в 1982 г.; относительно широким читательским интересом отмечено последнее десятилетие жизни автора, когда увидели свет книги «Возвращение к душе» (1990), «Слух сердца» (1990), «Сораспятье» (1995), «Стихотворения. 1943–1997» (1998).

⁹ В данном разделе статьи в начертании слова «Бог», как и у В. Блаженного, и далее использована прописная буква.

¹⁰ Далее в настоящем разделе статьи при ссылке на это издание указывается только номер страницы.

¹¹ Близость поэтического мира Блаженного творчеству А. Платонова отмечена исследователями лишь вскользь [Ильинская 2012: 36; Татаринова 2014: 8], однако и странничество как основа сюжета, и тип героя-юродивого, и система ключевых мотивов (например, взаимообратимость жизни и смерти или любовь ко всему отверженному) дают основания для более детальных сопоставлений.

Другой вариант взаимодействия человека с природой – жалость и сострадание: в «Заступись за меня, собака...», актуализирующем форму многочленного параллелизма, герой предстает защитником истязаемых животных – но, предчувствуя последний суд, сам просит их покровительства: «Твари божии, заступитесь, / Когда дрогнет в конце пути / Ваш заступник, ваш бедный витязь, / Ваш поверженный побратим...» [100]. Немаловажно и то, что в одном перечислительном ряду с ними у Блаженного может оказаться не только лирический субъект, но и Всевышний: когда текст начинается словами «Хватит места в моей конуре / И собаке и кошке, и Богу...», а в ходе сюжетного развертывания между персонажами устанавливаются соответствия («О, Господь, на тебе облака, / Как какие-то белые ризы, / А собака хромает слегка – / И вы оба от холода сизы»), становится очевидно, что в получившейся параллели божество замещает человека [71]. Поэзия автора изобилует подобными «инверсиями»: парадоксально и стихотворение «В калошах на босу ногу...», где Господь меняется местами с отцом героя («...А ты называйся Мною – / Величье тебе к лицу» [73]), и «–Давно – давным-давно – с тех пор, как я однажды...», где он принимает «обличье пса» и бродяжничает вместе с протагонистом [231]. Подвижность субъектных границ, таким образом, обеспечивается не только страданием и мучительством (даже Бог – в ипостаси Отца – нередко оказывается «палачом» [104]), но и состраданием: в мире, где голубь готов разделить крестный путь Христа [111–112], исчезают все мыслимые дистанции – с Господом можно запросто перекинуться в дурака [41], а с мертвыми беседовать, как с живыми.

Устойчивый сюжетный ход – явление субъекту умерших родителей и братьев или его собственный добровольный переход в «за-смертье». Так, мать восстает из гроба для того, чтобы починить «нижнюю рубаху» сына куском «савана» [37]; отец возвращается из могилы, намереваясь принять в своем доме гостя – странника Иисуса [132–133]; по зову отца (уже в другом стихотворении) спешат «на

ужин» их дети – Иосиф и Исаак [196]. К семье мертвецов присоединяются многочисленные кошки и собаки [88–89] – и они же «сопровождают» героя в обратном направлении: матери, приютившей его в гробу, кажется, что к ней «пристроилась» бездомная «псина» [93]. Отрицательный параллелизм в последнем примере, с одной стороны, обнаруживает семантику «единения в смерти», с другой – сигнализирует, что противоположности в лирике Блаженного разнятся лишь антуражем: мучиться обречены не только живые, но и те, кто уже покинул земные пределы. В «Мне бы только добраться до поля...» существование, как это часто бывает у автора, представляется юдолью, «уравнивающей в правах» зверя и человека (неслучайно вслед герою простерты не лапы, а «косматые руки») – но та же боль ожидает персонажей и после пересечения финальной черты: «Все страдалцы – господние дети, / Только кто же нас всех различит, / Если столько несчастных на свете – / И в гробу даже мертвый кричит» [78–79].

Неизбывность страдания практически исключает восприятие смерти как избавления и проблематизирует необходимость в воскресении (если допустить, что сквозной сюжет поэзии Блаженного повторяет логику «Страстей Христовых»¹²). Особый интерес в этой связи представляет стихотворение «Пора, пора и мне зажечь свечу во мраке...», подрывающее архитектурные основы параллелизма и обманывающее читательское ожидание. Открывающий его «природный» план («...Воскреснут, оробев, и кошки и собаки...») влечет за собой не тождественный, а контрастный ему «человеческий» – «И лишь моя душа соблазну скажет: “Нет”» [147]. Воскреснуть «для горя и обиды» способны разве что легковые животные (например, пес, аттестованный поэтом как «покорный» и «доверчивый» [41, 208]); герой же намеренно уклоняется от подобной участи, предпочитая «суете» и «похоронам», из которых складывается жизнь, «забвение» – один из самых позитивных у Блаженного посмертных сценариев [147]. Иной сценарий – метемпсихоз, также нуж-

¹² Применительно к творчеству поэта Г. С. Померанц даже вводит специальный термин – «христовство», означающий «личное тяготение» лирического субъекта к Христу [Померанц 2014: 235].

дающийся в архаической образности, но внутренне противоречивый, – имеет два варианта. Когда брат, самоубийца Иосиф, становится травой, на которой мирно пасется овца [349], преобразование свидетельствует, что свою вину он как минимум искупил; когда же мать, принявшую обличие кошки, Господь не только поселяет на помойке, но и наказывает кнутом за украденный для сына кусок [108], – превращением ознаменован новый круг страданий. В предполагаемой судьбе самого героя реализуются обе возможности: прорастающие «из ключиц» крылья могут сигнализировать как об очередном испытании («На безгнездой земле умирает крылатая птаха. / Это я умираю и руки раскинул крестом» [28]), так и об изживании мирского бремени: «Только высь! только высь! я о выси мечтал, как о небе, / Я о небе мечтал, как о Боге – и вот высота / Заприметила мой одинокий скитальческий жребий, – / Где-то птицею стала земная моя суета...» [199].

Когда мукой охвачено самое естество человека и он ощущает себя ее «избранником» [83], стирается граница, разделяющая физическое и духовное. Творительные средства в стихах «...Я сдобривал свой день кусками боли / И боль алмазно называлась – соль» [105] «просвечивает» метаморфозой, приводящей к овеществлению абстрактного: рассыпанные по земле страдания буквально хрустят под ногами – или видятся «колючим цветком», вызывающим недоумение ангелов [83]. Превращение их в набор солдатиков, детскую забаву Господа, – едва ли не самый страшный у автора сюжет: шокирует не столько развязка (разъяренный скукой Бог делает из кукол «кровавое месиво»), сколько гротескная детализация событий, позволяющая совместить противоположные точки зрения их участников («Застенчивые, как мизинчики, / Почти бесшумными стопами / Блаженные Вениаминчики / Однажды выстроятся в пары») [Блаженный 2005: 52]. Овеществляется, приобретая черты затравленного животного, и поэтическое слово: уподобленное (в структуре символа-приложения) собаке, оно «скулит» «обиженной сукой» [322], бредет «при свете и во мраке», оказываясь то в раю, то в аду, и в конечном счете служит поводырем лирическо-

му субъекту – «вселенскому слепцу» [314–315]. «Сворой четвероногих слов» представляются ему и бытовые высказывания матери – однако каков бы ни был источник речи, она не может сложиться в «членораздельный» текст: «бездомной муке» чужды языковые и художественные конвенции [322]. Версификационным аналогом подобного мироотношения становится редуцированный метрический репертуар (стихи Блаженного поражают своим формальным однообразием), – но только такое «опрощенное» и страждущее вместе с поэтом слово способно уцелеть «в памяти Творца» [315]. Будучи прямым свидетельством того, что в душе пишущего «вершится таинство Голгофы» [195], оно выступает полноценным участником «сораспатья», в которое с неизбежностью вовлекается все живое.

Заключение

Итак, закрепленное психологическим параллелизмом и близкими ему типами образности (символом-приложением и творительным метаморфозы) единство человеческого и природного начал в лирике Сергея Петрова и Вениамина Блаженного возникает лишь на основе страдания, которым и определяется присущая авторам поэтическая модель мира. Существование человека рассматривается здесь как непрерывное мучение, в которое на равных правах с ним вовлекается не только природа, но и Бог, не только живые, но и мертвые. Ощущение отверженности, свойственное протагонисту, преодолевается лишь в болевом контакте с реальностью, а мучительство и мучительство осознаются как первооснова и залог жизни. Восприятие реальности как синкретической предопределяет и судьбу поэтического слова, которое опредмечивается и, становясь продолжением пишущего, страдает и погибает вместе с ним. В целом в лирике С. Петрова и В. Блаженного, чьи поэтические системы обнаруживают типологическое родство, архаической образностью утверждается вовсе не гармоническая «вписанность» человека в природу, а свойственное неклассической эпохе представление об уязвимости и рискованности его положения в мироздании.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкудинов, К. Блаженный / К. Анкудинов // Блаженный В. М. Сораспятыє. – М. : Время, 2009. – С. 384–396.
- Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 6. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – С. 6–300.
- Бердников, А. Четыре воспоминания о Петрове / А. Бердников. – Текст : электронный // Русская национальная философия в трудах ее создателей. – URL: <http://www.hrono.ru/text/2006/berdo6o6.html> (дата обращения: 17.01.2023).
- Блаженный, В. М. Сораспятыє / В. М. Блаженный. – М. : Время, 2009. – 416 с.
- Блаженный, В. Моими очами: Стихи последних лет / В. Блаженный. – М. : АРГО-РИСК ; Тверь : KOLONNA Publications, 2005. – 64 с.
- Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. Т. 2. – М. : Издательский центр «Академия», 2004.
- Верина, У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. / У. Ю. Верина. – Минск : БГУ, 2017. – 307 с.
- Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 688 с.
- Витковский, Е. «Нет, художник, на тебе вины!..» / Е. Витковский. – URL: <https://witkowsky.livejournal.com/37954.html> (дата обращения: 17.01.2023). – Текст : электронный.
- Гай, Т. Сергей Петров. Осколки Серебряного века / Т. Гай. – Текст : электронный // В поисках мира и душевного покоя. Блог Тины Гай. – URL: <http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/> (дата обращения: 17.01.2023).
- Дашевский, Г. «Не зовите стихами мои иступленные строчки». Григорий Дашевский о поэзии Вениамина Блаженного / Г. Дашевский. – Текст : электронный // Коммерсант Weekend. – 2009. – № 11. – С. 32. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098> (дата обращения: 17.01.2023).
- Егоров, Б. Ф. О жизни и творчестве С. В. Петрова / Б. Ф. Егоров // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 5 (17). – С. 1–14.
- Еремеева, Д. Н. Усумнившийся Аввакум. Сергей Петров (1911–1988) / Д. Н. Еремеева // Вопросы литературы. – 2019. – № 2. – С. 50–62.
- Житенев, А. А. Поэзия неомодернизма / А. А. Житенев. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2012. – 480 с.
- Заболоцкий, Н. А. Метаморфозы / Н. А. Заболоцкий. – М. : ОГИ, 2014. – XXXVII+954 с., [48] с. ил.
- Ильинская, Н. Память юродства в поэзии Вениамина Блаженного / Н. Ильинская // По ступеням света. К 90-летию Вениамина Блаженного. – Минск : б. и., 2012. – С. 36–47.
- Кононов, Н. Без покрова. Сергей Петров. Избранные стихотворения [Предисловие Валерия Шубинского]. СПб. «Эзро». 1997. 160 стр. / Н. Кононов // Новый Мир. – 1997. – № 8. – С. 235–240.
- Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 904 с.
- Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – С. 13–285.
- Петров, С. Псалмы и фуги: [стихотворения] / С. Петров. – М. : ООО Группа компаний «РИПОЛ классик» ; Издательство «Пальмира», 2018. – 239 с.
- Платонов, А. П. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы / А. П. Платонов. – М. : Время, 2011. – 624 с.
- Померанц, Г. С. Поэзия духовного опыта / Померанц Г. С. Страстная односторонность и бесстрастие духа. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. – С. 209–297.
- Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков : Издание М. В. Потебня, 1914. – 243 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.
- Пробштейн, Я. Одухотворенная земля: о Сергее Владимировиче Петрове / Я. Пробштейн // Пробштейн Я. Одухотворенная земля. Книга о русской поэзии. – М. : Аграф, 2014. – С. 142–164.
- Татарина, Л. Н. Идея милости в пагристике и духовной поэзии XX века (Иоанн Златоуст и Вениамин Блаженный) / Л. Н. Татарина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 678–688.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – 576 с.
- Шубинский, В. Усумнитель. Сергей Петров. Избранные стихотворения. Санкт-Петербург, 1997 г. / В. Шубинский // Арион. – 1997. – № 3. – С. 98–101.

REFERENCES

- Ankudinov, K. (2009). Blazhennyy [Blazhenny]. In Blazhenny, V. M. *Soraspyat'e*. Moscow, Vremya, pp. 384–396.
- Bakhtin, M. M. (2002). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh*. Vol. 6. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 6–300.
- Berdnikov, A. Chetyre vospominaniya o Petrove [Four Memories of Petrov]. In *Russkaya natsional'naya filosofiya v trudakh ee sozdateli*. URL: <http://www.hrono.ru/text/2006/berdo6o6.html> (mode of access: 17.01.2023).
- Blazhenny, V. (2005). *Moimi ochami: Stikhi poslednikh let* [Through My Eyes: Poems of Recent Years]. Moscow, ARGO-RISK, Tver, KOLONNA Publications. 64 p.
- Blazhenny, V. M. (2009). *Soraspyat'e* [Joint Crucifixion]. Moscow, Vremya. 416 p.
- Broytman, S. N. (2004). Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. In *Teoriya literatury: v 2 t. Vol. 2*. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya».

- Dashevsky, G. (2009). «Ne zovite stikhami moi isstuplennye strochki». Grigoriy Dashevskii o poezii Veniamina Blazhennogo ["Do not Call My Frantic Lines Poetry." Grigoriy Dashevsky on the Poetry of Benjamin Blazhenny]. In *Kommersant Weekend*. No 11, p. 32. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098> (mode of access: 17.01.2023).
- Egorov, B. F. (2018). O zhizni i tvorchestve S. V. Petrova [About the Life and Work of S. V. Petrov]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No. 5 (17), pp. 1–14.
- Eremeeva, D. N. (2019). Usumnivshiysya Avvakum. Sergei Petrov (1911–1988) [Doubtful Habakkuk. Sergei Petrov (1911–1988)]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 50–62.
- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols]. Vol. 1. Moscow, Progress. 576 p.
- Gay, T. Sergei Petrov. Oskolki Serebryanogo veka [Sergey Petrov. Shards of the Silver Age]. In *V poiskakh mira i dushevno-pokoya. Blog Tiny Gay*. URL: <http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/> (mode of access: 17.01.2023).
- I'inskaya, N. (2012). Pamyat' yurodstva v poezii Veniamina Blazhennogo [The Memory of Foolishness in the Poetry of Benjamin Blazhenny]. In *Po stupenyam sveta. K 90-letiyu Veniamina Blazhennogo*. Minsk, pp. 36–47.
- Kononov, N. (1997). Bez pokrova. Sergey Petrov. Izbrannye stikhotvoreniya [Predislovie Valeriya Shubinskogo] SPb. «Ezro». 1997. 160 str. [No Cover. Sergei Petrov. Selected Poems Preface by Valery Shubinsky. "Ezro". 1997. 160 pages]. In *Novyy Mir*. No. 8, pp. 235–240.
- Leyderman, N. L. (2010). Teoriya zhanra [Genre Theory]. Ekaterinburg, Institut filologicheskikh issledovaniy i obrazovatel'nykh strategiy «Slovesnik» UrO RAO, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 904 p.
- Lotman, Yu. M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. In Lotman, Yu. M. *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, pp. 13–285.
- Petrov, S. (2018). *Psalmi i fugi: [stikhotvoreniya] [Psalms and Fugues: [Poems]]*. Moscow, OOO Gruppa kompanii «RIPOL klassik», Izdatel'stvo «Pal'mira». 239 p.
- Platonov, A. P. (2011). *Schastlivaya Moskva: roman, povest', rasskazy* [Happy Moscow: Novel, Story, Short Stories]. Moscow, Vremya. 624 p.
- Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. (2008). Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada. 358 p.
- Pomerants, G. S. (2014). Poeziya dukhovnogo opyta [Poetry of Spiritual Experience]. In Pomerants, G. S. *Strastnaya odnostonnost' i besstrastie dukha*. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, pp. 209–297.
- Potebnya, A. A. (1914). *O nekotorykh simvolakh v slavyanskoj narodnoj poezii* [About Some Symbols in Slavic Folk Poetry]. Kharkov, Izdanie M. V. Potebnya. 243 p.
- Probshteyn, Ya. (2014). Odukhotvorennyaya zemlya: o Sergee Vladimiroviche Petrove [Spiritualized Earth: about Sergey Vladimirovich Petrov]. In Probshteyn, Ya. *Odukhotvorennyaya zemlya. Kniga o russkoi poezii*. Moscow, Agraf, pp. 142–164.
- Shubinskiy, V. (1997). Usumnitel'. Sergey Petrov. Izbrannye stikhotvoreniya. Sankt-Peterburg, 1997 g. [Conspirator. Sergei Petrov. Selected Poems. St. Petersburg, 1997]. In *Arion*. No. 3, pp. 98–101.
- Tatarinova, L. N. (2014). Ideya milosti v patristike i dukhovnoj poezii XX veka (Ioann Zlatoust i Veniamin Blazhenny) [The Idea of Mercy in Patristics and Spiritual Poetry of the 20th Century (John Chrysostom and Benjamin Blazhenny)]. In *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 102, pp. 678–688.
- Verina, U. Yu. (2017). *Obnovlenie zhanrovoi sistemy russkoi poezii rubezha XX–XXI vv.* [Renewal of the Genre System of Russian Poetry at the Turn of the 20th–20th Centuries]. Minsk, BGU. 307 p.
- Veselovsky, A. N. (2006). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 688 p.
- Vitkovskiy, E. «Net, khudozhnik, na tebe viny!..» ["No, Artist, You Have Wine on You!.."]. URL: <https://witkovsky.livejournal.com/37954.html> (mode of access: 17.01.2023).
- Zabolotsky, N. A. (2014). *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Moscow, OGI. XXXVIII+954 p., [48] p. ill.
- Zhitenev, A. A. (2012). *Poeziya neomodernizma* [The Poetry of Neomodernism]. Saint Petersburg, INAPRESS. 480 p.

Данные об авторе

Бокарев Алексей Сергеевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru.

Author's information

Bokarev Aleksey Sergeevich – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Date of receipt: 26.02.2023; date of publication: 30.06.2023

Дата поступления: 26.02.2023; дата публикации: 30.06.2023